

**ЛИДИЯ
ЧУКОВСКАЯ**

ПАМЯТИ
ФРИДЫ

Лидия Корнеевна Чуковская

Памяти Фриды

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570665

Чуковская Л.К. Процесс исключения (сборник): Эксмо; Москва; 2007

ISBN 5-699-20198-X

Аннотация

«...К каждому человеку когда-нибудь приходит беда. К каждому – пора одиночества. К каждому сознание непоправимой ошибки, неудачи, а иногда – надвигающейся гибели. Так вот, существование Фриды на земле для меня было залогом, что ошибка моя поправима, горестная неудача еще может обернуться радостью, и от болезни можно выздороветь, и от гибели спастись и спасти. Меня успокаивал и обнадеживал самый звук ее имени. Если я и погибну, то Фрида не даст погибнуть тому, что гораздо больше *[b]я[/b]*, чем я сама, – исписанным мною листкам. Пока рядом была Фрида, которая плакала и смеялась, радовалась и печалилась вместе с нами, – «Стоило жить и работать стоило!» Потому что – раз она здесь – «всё еще может быть хорошо». Стоило задумывать. Стоило осуществлять задуманное. Стоило пытаться, пробовать. Стоило поступать. Стоило искать слово для того, что таится в памяти под спудом. Она была необыкновенно благодарной слушательницей: уже то, как она слушала, – исцеляло. «Покажу Фриде», «расскажу Фриде»,

«спрошу у Фриды»... Да и просто так, когда не в чем было исповедаться и не о чем просить или спрашивать, – легче становилось на душе от ее кроткого, доверчивого, бережного к твоей ранености присутствия. ...»

Содержание

1. Уносят	5
2. «У Чарльза Диккенса спросите»...	9
3. Мысль мыслей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лидия Корнеевна Чуковская Памяти Фриды

1. Уносят

Не плакать мне помогала Саша¹. Еще в самую счастливую пору, когда Фрида была жива, здорова, весела, Саша, входя в комнату к матери после получасового отсутствия, бросалась ей на шею, словно после долгой разлуки: «Мамочка!» Наверное, для Саши Фрида всегда оставалась, как для грудного младенца, целым миром, воздухом, всем на свете. Разлука, даже коротенькая, была противоестественна: «Мама! Ты здесь?»

И вот теперь Фрида – здесь! – лежит в гробу, а Саша, разлученная с ней навсегда, глядит в ее лицо и не плачет.

Самые близкие не плакали – Галя и Саша, мать и брат, – как же было плакать мне?

И еще меня удерживало от слез сознание, что предстоит

---

¹ На этих страницах часто встречаются домашние имена родных и близких Ф. Вигдоровой. *Галя и Саша* – ее дочери; *Наталья* – внучка, дочь Гали; *Изя* – ее брат, офицер; *Елена Сергеевна* – ее свойственница, писательница И. Грекова; *Руня* (или Р. З.) – Руфь Зернова, писательница; *Раиса Давыдовна* — Орлова, писательница. – *Примеч. сост.*

говорить, а если я заплачу, то не в силах буду сказать ни слова. Это было бы предательством – мне промолчать над Фридиным гробом. Нельзя. И я не плакала. Это давалось мне даже без больших усилий.

Назвали мое имя, люди расступились, и я прошла, как по тропочке, к Фридиному изголовью. Я заговорила и с облегчением услышала, что голос мой звучит спокойно. Опять, как с начала этого дня, я благословила свою близорукость – я не видела Фридино лба, только грудю цветов над бортом гроба, не видела со своего нового места ни Саши, ни Гали, ни Люши, ни друзей, ни матери, ни брата. Как всегда в минуты нервного напряжения, я почти утратила способность видеть. Хотя люстры горели, толпа стояла и дышала, я оказалась в темноте, пустоте и беззвучии, как бы один на один с Фридиной смертью. Я слышала, что у меня в голосе нету слез, – и их в самом деле не было: ни на глазах, ни в груди.

Но вот панихида окончилась. Все отговорили. Начали разбирать цветы, венки. Я все не плакала. Вышла в той же темноте, словно на ощупь, в вестибюль. Ко мне подошел Евгений Александрович Гнедин, и, чтобы двигаться увереннее, я схватила его за руку. Постепенно зрение стало возвращаться ко мне – в той мере, в какой оно вообще может еще возвращаться. И тут я увидела, что мимо нас несут гроб. Я разглядела опустившееся плечо и склоненную голову Володи Корнилова. И меня вдруг пронзила мысль: уносят Фриду.

– Что же это такое? – сказала я Евгению Александрови-

чу. – Вы видите? Они ее уносят!

И вот в эту минуту все плотины во мне прорвались, и я заплакала, вольно и бесстыдно, уже не сдерживаясь, – и плакала на улице, в машине, на кладбище, плакала, не сдерживаясь и не получая облегчения.

Плакала я не о ней. (Может быть, потому и не сдерживалась.)

Плакала о себе. Пока Фрида была жива – и больна, – всем нам было не до своего горя. Думалось в те месяцы не о себе, а о ней, о жестокой казни, на которую невесть за что и невесть кем обречена она. Фрида в опасности. Фрида мучается. Фрида умирает. С каждым часом меркнут веселые, добрые, сияющие, какие-то даже удалые в своем веселом сиянии глаза. Из них теперь глядит беспомощность, одинокость, недоверие. Они теперь не яркие, а тусклые. «И ты не поможешь мне» – вот что тускленько, слабенько мерцает из-под трудно поднимающихся век. Да, и я не помогу. Никто из нас тебе не поможет – тебе, которая помогала нам всем, помогала с таким постоянством, что мы сложили шутовскую поговорку: «Если не Бог – так Фрида».

Унесли гроб, унесли Фриду. О ее муках плакать уже было нечего, она не мучилась больше и ничего от нас не ждала. И я заплакала о нас – о тех, кто ее потерял, и о тех, кто ее никогда не узнает, не увидит живой. У людей отняли Фриду. Я плакала о девочках, о друзьях, о ближайших из близких, о матери и брате, о себе.

Горше всех, пуще всех, конечно, о себе. Это были эгоистические, себялюбивые слезы – о себе самой.

Каждый из нас знает, чем и кем была в его жизни Фрида. Что ушло из его жизни вместе с нею. Я постараюсь объяснить, что ушло из моей. Быть может, это окажется хотя бы отдаленно верным еще для кого-нибудь.

2. «У Чарльза Диккенса спросите»...

С гибелью Фриды из моей жизни ушла надежда. «Всё будет хорошо», «всё кончится хорошо» – такой надежды у меня больше нет.

Что, собственно, «всё»?

А вот то, что со мной случилось, что терзает меня. То, от чего я не сплю. О чем хочу и не могу написать. Горе моей жизни.

К каждому человеку когда-нибудь приходит беда. К каждому – пора одиночества. К каждому сознание непоправимой ошибки, неудачи, а иногда – надвигающейся гибели. Так вот, существование Фриды на земле для меня было залогом, что ошибка моя поправима, горестная неудача еще может обернуться радостью, и от болезни можно выздороветь, и от гибели спастись и спасти. Меня успокаивал и обнадеживал самый звук ее имени. Если я и погибну, то Фрида не даст погибнуть тому, что гораздо больше **я**, чем я сама, – исписанным мною листкам. Пока рядом была Фрида, которая плакала и смеялась, радовалась и печалилась вместе с нами, – «Стоило жить и работать стоило!»

Потому что – раз она здесь – «всё еще может быть хорошо».

Стоило задумывать. Стоило осуществлять задуманное. Стоило пытаться, пробовать. Стоило поступать. Стоило искать слово для того, что таится в памяти под спудом. Она была необыкновенно благодарной слушательницей: уже то, как она слушала, – исцеляло. «Покажу Фриде», «расскажу Фриде», «спрошу у Фриды»... Да и просто так, когда не в чем было исповедоваться и не о чем просить или спрашивать, – легче становилось на душе от ее кроткого, доверчивого, бережного к твоей ранености присутствия.

Р. З. однажды назвала Фриду диккенсовской девочкой, весело творящей добро. Это сказано метко. В книгах Диккенса встречаются героини, например, Флоренса из «Домби и сына» или Эстер из «Холодного дома», радующиеся тому, что они могут доставлять радость другим, живущие чужой радостью или чужим горем, как своим собственным, облегчающие чужую боль самоотверженно, умело и скромно. В самом деле, Фрида была им сродни. В ней была их милая непритязательность, их доброта, грация и тишина. Их уютность. Их домашность. Когда Фрида в зелененьких шерстяных носках, в пестреньком фартуке разливала на кухне чай или делала внезапно пришедшему гостю яичницу, вперед радуясь тому, что вот сейчас усталый, голодный и озябший человек поест и согреется, а потом, на сладкое, она покажет ему Наталью; или когда она в своей большой, обдуманно-нарядной, уставленной цветами, книгами и игрушками комнате поливала цветы, а Наталья путалась у нее в коленях,

вцепившись ей в юбку; или когда в гостях, съев с удовольствием и очень быстро стаканчик мороженого, она запрокидывала голову и, облизываясь, выговаривала сквозь смех: «Это было прекра-ас-но!» – и округлым движением потирала маленькие сильные руки, словно собиралась проглотить еще десять таких стаканчиков; или когда она, смущаясь, каким-то детски неловким движением протягивала в подарок какой-нибудь полюбившийся вам пустяк – записную книжку или сумочку, – она впрямь могла сойти за маленькую добрую фею домашнего очага, весело и деятельно распространяющую вокруг тепло и свет. Можно сказать также, что Фрида была сродни не только диккенсовским героиням, но и самому Диккенсу: в жизни она творила то, что Диккенс придумывал в своих повестях, – превращала чужую беду в сказку с хорошим концом.

...Жила-была в Туле одна пианистка, вела в музыкальном училище преподавание по классу рояля. Она была одержима музыкой, проповедовала музыку, открывала музыку ученикам, а потому ее служебная жизнь сложилась так, как и складывается обычно у тех, кто одержим своим делом: ученики полюбили ее, а начальство возненавидело. К чему эти излишние страсти: Скрябин, Рахманинов, поездки, концерты, экскурсии? Отбарабанила свои часы, и ладно. Воспользовавшись доносом одного негодяя, ее сначала довели до попытки покончить с собой, а потом решили уволить. Несчастливая женщина, никогда не выдавшая Фриду, но читавшая ее

статьи и книги, кинулась к ней за помощью, как кидались десятки оскорбленных людей. И Фрида принялась спасать эту жизнь, поколебленную, еле устоявшую, едва не оборвавшуюся в смерть. Она поехала в Тулу. Она пришла на заседание месткома, где разбиралось дело учительницы, – явилась перед лицо этих одичалых мещан, на эту расшвырянувшую коммунальную кухню, где единственным интеллигентным человеком была подсудимая. «Личная жизнь» учительницы взасос и захлеб обсуждалась всей кухней. Молча, положив перед собой блокнот, Фрида от слова до слова записывала их чавкающие, хрюкающие выступления. «Подробности, мне бы подробности, – томно повизгивала кассирша, – позвать бы сюда молодого человека, да и расспросить».

– Товарищи, опомнитесь! – тихим голосом с краешка стола возвала к ним Фрида. Но где там! Деятелей тульской музыкальной культуры не оторвать было от вкусного пойла. Нахлебавшись смачного навару из сплетен, они постановили: учительницу уволить. И уволили. А чтобы она не могла устроиться на другую работу, снабдили ее при увольнении позорной характеристикой.

Опасаясь новой попытки самоубийства, Фрида увезла женщину с собой в Москву. И поселила ее у себя дома. И неделями выхаживала ее, как больную. И написала статью в «Литературную газету». Статья была напечатана, и с помощью газеты Фрида добилась отмены позорной характеристики. И через некоторое время устроила учительницу на новую

работу – в город Серпухов.

Женщина была спасена. Но всего только спасена – это еще недостаточно хороший конец, недостаточно ярко-счастливый, утоляющий горе с избытком – недостаточно хороший для диккенсовской повести, которую в жизни творила Фрида. В этом конце не хватает изобилия, праздника счастья. И пожалуй, диккенсовской щедрости в переплетении судеб.

...Жила-была в деревне Данки, под Серпуховом, в инвалидном доме, шестнадцатилетняя девушка Светлана Семенова, больная, полупарализованная, заброшенная. Однажды она написала письмо К. И. Чуковскому. Вот его суть:

– Помогите сделать так, чтобы мне разрешили ухаживать за моим другом Мишей. Он не только парализован, он почти ослеп. Я хочу читать ему книги и во всем помогать. Но мужские комнаты помещаются на втором этаже, а женские в первом. Носить меня на носилках некому, сама подниматься по лестнице я не могу, а поселить меня и Мишу вместе не разрешает директор.

Корней Иванович стал посылать Светлане деньги и книги, русские и английские (она мечтала научиться английскому языку), пригласил ее к себе погостить – и она приехала к нему на дачу в инвалидной машине вместе со своей подругой, такой же полупарализованной девушкой, как она сама; обратился в Институт Гельмгольца по поводу очков для Миши; написал директору инвалидного дома, поддерживая мольбу Светланы поселить их вместе. Однако письмо его не

имело успеха. Тогда он рассказал историю Светланы Фриде. И Фрида начала свое обычное дело: добиваться от горестной жизни, чтобы она обернулась повестью Диккенса, пусть хоть и горестной повестью, но с хорошим концом.

Фрида поехала в Данки. Познакомилась там со Светланой и Мишей, подружилась с ними. Одна из Фридиных приятельниц, по ее просьбе, стала ездить в Данки и принимать у Светланы зачеты по английскому языку. И тут учительница музыки, живущая уже не в Туле, а в Серпухове, поняла, что ей представляется необыкновенный случай сделать подарок Фриде, отблагодарить Фриду: она тоже может заботиться о Светлане и Мише, она может осветить музыкой их однообразное, тусклое житье... И она стала ездить в Данки, и играть для больных на рояле, и рассказывать им о Рахманинове и Стравинском.

Фрида с помощью газеты добила, чтобы в инвалидном доме произвели ремонт. А когда туда на место прежнего пришел новый директор, она упростила его поселить Светлану и Мишу вместе, в одной комнате. Так исполнилась мечта Светланы: теперь она превратилась в Мишины руки, в Мишины глаза, у Миши и у нее началась новая жизнь. Вместе они занимались английским. Целые дни она читала ему вслух, и вместе каждую неделю они ждали из Серпухова учительницу музыки, которая играла им Шопена и Моцарта.

Но добрые силы, вызванные Фридой из жизненных недр, на этом еще не исчерпали себя. И праздничный, счастливый

конец истории оскорбленной учительницы еще впереди.

...Жили-были в Тбилиси, в собственном доме, старики пенсионеры, потерявшие на войне дочь. Они прочитали в газете Фридину статью, статья тронула их, они послали в газету письмо на Фридино имя, в котором приглашали учительницу к себе – вместо дочери – пожить, отдохнуть, поесть винограда, отогреться. И в первый же отпуск учительница поехала туда, и поселилась у стариков, и прожила там месяц, и прислала оттуда две корзины благоуханных яблок одну Фриде, другую Светлане и Мише.

Это ли не счастливый конец? Но по законам диккенсовской повести в нем не хватало свадьбы. И вот в учительницу бурно влюбляется молодой инженер, уезжающий на Север, и она едет к нему, и выходит за него замуж, и через год Фрида протягивает мне фотографию младенца в нарядных пеленках и произносит гордым и даже каким-то задорным голосом, словно этот младенец появился на свет по мановению ее волшебства:

– Смотрите – какой! А зовут очень странно – Ювеналием. По дедушке.

(Но ведь и в самом деле она причастна к появлению этого младенца на свет. Ведь без ее спасательных усилий учительница давно покончила бы с собой.)

Да, и Диккенс, и Фрида знали толк в хороших концах... И разве каждый из нас не может припомнить десятки страшных сказок, обернувшихся хорошим концом благодаря тому,

что Фрида своей стремительной, упорной, изобретательной добротой пробуждала в людском общежитии действие «круговой поруки добра» – той самой круговой поруки, могущественной, животворящей, о которой говорится в безымянных стихах:

Человечество живо одною
Круговую порукой добра.

Да, Фрида была работником добра и всех вокруг делала своими – и добра! – сотрудниками. Ступив в поле ее излучения², каждый незаметно и естественно становился звеном в создаваемой ею цепи.

Сколько мы помним рукописей, которые превратились в книги благодаря ее редакторской работе, или ее рецензии, или ее добрым интригам внутри издательства.

Сколько мы знаем случаев, когда она выручала людей деньгами, хотя сама зарабатывала деньги трудом тяжелым и постоянным, и никаких денежных запасов у нее не было. Она отдавала свои – или собирала среди друзей – или даже втайне брала в долг под проценты. Но никогда не отказывалась выручить человека из петли безденежья в роковую минуту.

Сколько мы знаем больных, в чье выздоровление Фрида внесла свою долю заботы, устроив дежурства у этой постели и дежурия чаще всех, щедрее всех, легко, умело, точно, весе-

---

² Слова Р. Д. Орловой.

ло.

Сколько мы знаем людей, положенных жизнью на обе лопатки и поднявшихся благодаря ее энергии, ее заботе, выпрямившихся, нашедших для себя профессию, призвание, заработок, путь.

Сколько мы знаем людей, убереженных ею от одиночества.

Сколько сделала она не для других – для меня. Сколько я помню ее целительных слов, прозвучавших издали, из телефонной трубки, или вблизи, при свете ее глаз: сколько я помню ее слов, необходимых, болеутоляющих, своевременных, как скорая помощь, написанных на почтовом листке Фридиным крупным, твердым и веселым почерком; сколько я знаю ее поступков, совершенных для меня, без меня, потихоньку, в мою защиту или в мое утешение; сколько раз стучала она в мою дверь – и всегда этот стук означал, что явилась подмога, пришел совет, в дом вошла улыбка; сколько я помню блага, подаренного мне Фридой, внедрившегося мне в душу так глубоко и прочно, что оно давно уже стало не памятью о Фридином даре, а мною самой.

...Уносят Фриду. Плечи опущены под тяжестью гроба и горя. У меня нет больше Фриды. Нет надежды, что темный лес, в который меня загнала жизнь, расступится, и я выйду на залитую солнцем поляну.

– Прощай, моя скатерть-самобранка, мое наливное яблочко на серебряном блюдечке... Прощай!

3. Мысль мыслей

На протяжении нашей двадцатитрехлетней дружбы нам, конечно, случалось спорить, расходиться во мнениях. Расскажу об одном споре, постоянно возобновлявшемся, в котором, мне кажется, отчетливо проступает основная Фридина мысль. Ее мысль мыслей.

Я люблю Фридины повести, особенно «Черниговку», «Семейное счастье», «Любимую улицу». Я воспринимаю все Фридины книги – в том числе и те, которые не названы здесь, – как ее требование к нам, читателям: обороняйте людей, люди стоят защиты, а уж дети! берегите детство, щадите, уважайте детство, любуйтесь им, учитесь у него и спасайте детей: они беззащитны.

Таков для меня общий смысл, и даже не смысл, а больше: пронзительный звук Фридиных повестей. Звук ее голоса, в котором тонут голоса героев. В первых повестях голос ее звучит наивно, порою даже до сентиментальности; с годами он делается чище и тверже, мужает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.